

Виктор Ерофеев: «Что за зверь: любовь по-русски?»

ФОКУС не удался. Шумная акция молодежного движения «Идущие вместе», объявившая Владимира Сорокина и двух Викторов - Ерофеева и Пелевина зловерными писателями, чьи произведения подлежат уничтожению, закончилась пшиком. До сожжения на кострах книг и их авторов дело, к счастью, не дошло.

Виктор Ерофеев недавно презентовал новое творение - «Бог Х.», давшее повод поговорить о любви. А заодно и о ненависти.

- ВИКТОР, вас унылая серость за окном не достала?

- Достала, и давно. Русская аристократия мудро поступала, уезжая на зиму на Лазурный Берег Франции. Здесь небо низкое, оно, как тяжелая шапка, надвигается на лоб и давит, давит... Не верю в общую теорию Монтестье, связывающего воедино нравы и климат, но, похоже, применительно к России Монтестье прав: суровая природа наложила отпечаток на русский характер, сделав нас хмурыми и не улыбающимися.

Брошенные мужчины

- ТАК, может, абстрагируемся от этой хмурости и поговорим о чем-нибудь теплом и светлом, но не о батарее парового отопления?

- О любви? Оказывается, мы ничего о ней не знаем. Например, тема брошенности. Много раз рассказывалось о брошенных женщинах, но никто не взглянул на ситуацию с позиции мужчины. Каково быть оставленным?

- Вам знакомо это состояние?

- Писатель - хитрая сволочь. Он берет реальный факт из жизни и раскручивает сюжет, развивает его. Да, и меня бросали, но все выглядело не столь драматично и обжигающе, как в книжке. Мне интереснее не о себе рассказывать,

а попытаться разобраться в чувствах других. Кстати, эссе о брошенных мужчинах вошло в раздел, который называется «Любовь и говно».

- Не слишком поэтично.

- Зато по сути. Увы, в жизни одно часто превращается в другое: любовь - в дерьмо.

- Наверное, можно обойтись и без грязи.

- И все равно, по-моему, любовь между людьми - лишь сдача, которую мы получаем от любви к Богу.

- А если кто-то равнодушен к Всевышнему?

- Значит, он любит вождя или все Советское государство, как было у нас на протяжении 70 лет. Все мы зависим от любовного партнера.

- Если бы я не видел Евгению, вашу юную спутницу жизни и, надо полагать, любовного партнера, подумал бы: составил Ерофеев, брюзжит, как немошный импотент.

- Дело не в возрасте, хотя с годами, не спорю, я понял то, чего не мог оценить раньше. Например, четко вижу, что ущербные понятия о любви очень омрачают наше сознание. Все гораздо глубже и богаче, чем мы судим. Скажем, плейбойство является в глазах многих чуть ли не признаком некоего геройства, мужественности, хотя для меня совершенно ясно, что плейбой боится заходить на территорию женщины, чтобы не потерять азарт охотника, ищущего жертву. Плейбой видит перед собой лишь объект, клубу, манекен...

- Одно время и вас именovali плейбоем от литературы.

- Это мне приписали, как и многое другое. Впрочем, я не опровергаю слухи, хотя и не коллекционирую их. Подобные небылицы циркулируют преимущественно в писательской среде, где у меня репутация литературного провокатора и чуть ли не сатаниста. Оспаривать это глупо, поэтому я попросту отодвинулся в сторону, практически ни с кем из литераторов не общаюсь, за исключением Володи Сорокина. Существовать самостоятельно. Это тоже к вопросу о любви и нелюбви. Мне кажется, в России вообще плохо относятся к людям, которые сумели чего-то добиться в жизни. Здесь почему-то всегда любят третьего Ивана...

- Помните, был такой фильм «Любить по-русски»?

- Да-да, особенности национальной любви... Когда я писал о мифологии русского народного секса, то анализировал «Заветные сказки» Афанасьева, до конца 80-х годов в СССР не публиковавшиеся. Разобрал около ста сказок и пришел в ужас от того, над чем потешается народ, какой образ любви и эротике он выстроил. Как говорится, сказка - ложь, да в ней намек... Если западный донжуан пытается соблазнить красавицу, добивается ее

расположения, то наш человек (обычно это бравый солдат) не тратит времени и сил на пустые заигрывания. Основной принцип русской любви - обман. Настоящий герой тот, кто оттрахал красотку и безнаказанно убежал от родни опороченной девицы. Часто и с удивительной легкостью происходит инцесты, когда отцы за милую душу спят с дочерьми. Отношения между персонажами предельно циничны, поэтому все средства, ведущие к цели, хороши. Не позавидуешь женщинам: над ними откровенно издеваются, их физические недостатки выставляются напоказ. Чем больше женщине, чем сильнее она унижена, тем смешнее... Подобного цинизма я не встречал ни в одном другом фольклоре. Ни на Востоке, ни на Западе к женщине ТАК не относятся!

Мифы и сказки

- КАКИЕ-ТО не те сказки вы читали, Виктор!

- Погодите, я не закончил! Еще злее, чем над женщинами, в «Заветных сказках» смеются над священниками. В их унижении есть что-то садистское. Словом, попытка понять, что значит «любить по-русски», повергла меня в шок. Когда-то я был так же потрясен, прочитав Сада. Оказалось, человек строит отношения с миром не на принципе любви к ближнему, а на любви к себе да на поиске возможности безнаказанно делать то, что другим нельзя.

Мы никогда всерьез не исследовали этот пласт общественного сознания, хотя те, кто потешался над афанасьевскими сказками, в 1917 году пришли к власти и создали новую структуру морали. Прежняя культура была сметена революцией. Новые ценности нам навязывали на протяжении нескольких десятилетий, и мы долго утешались самообманом, будто истина - в классических произведениях русской литературы. Дескать, так мы сохраняем традиции, преемственность поколений. Но это были уже не наша культура и не наша истина. Они принадлежали ушедшим людям. В головы школьников вбивались рассказы о балах Наташи Ростовой, а действительность выглядела совсем по-иному.

- Не сгущаете?

- Вы сформулировали деликатно, спасибо. Обычно меня без обиняков называют вражеским лазутчиком и провокатором. При этом никто не хочет задуматься над сказанным. Сначала думал, со мной ругаются из превратно трактуемого чувства патриотизма и гражданского долга. Потом понял: всему виной дикое невежество. Мы попали как бы в двойное кольцо: люди вроде бы защищают интересы державы, не понимая, кто они и что за страна перед ними. Этот бег по кругу может никогда не закончиться...

- Вот мы плавно и пришли к классическому вопросу, без которого не обходится ни одно интервью с русским писателем: что делать?

- В книге «Бог Х.» есть рассказ «Летающая тарелка особого назначения». Это - о России. Она - тарелка.

- И в чем же ее особое назначение?

- В том, что она ни разу не взлетела, не оторвалась от Земли.

- Утешили...

- В России много дури. В нашей стране удивительным образом сходятся противоположности. От этого и страх, что реформатор может превратиться в консерватора, а демократ - в диктатора. Здесь добро оказывается злом.

- Но и зло - добром?

- Конечно. Однако предсказуемости все равно нет. Мы не знаем реальности, в которой живем: рассчитываем на одно, а получаем совсем иное. Но это не значит, будто у нас неисправимая страна. Когда говорят, что Россию аршином общим не измерить, то занимаются мистификацией, подлогом, отказываются от попыток разобраться в ситуации. Очень много тех, кого такая неопределенность устраивает. Страна привыкла находиться в неосознанке, отключке. Мне это не по душе. Вот и пробую понять. Но это не брюзжание, а попытка бороться за прелесть анализа.

У России по-прежнему настает открытое будущее, нас может унести в любую сторону. Здесь сильна потребность в стремительном катарсисе. Мы сперва соримся без видимой причины, шумим без меры, а потом бежим мириться. Обнимемся, облобызаемся и идем вместе пить за дружбу и любовь. Не доверяю демонстративной сентиментальности.

- Не согрели вы меня, Виктор, рассказом.

- И не пытался. Слишком много вокруг фальшивых одеял, лишь создающих видимость тепла...

Андрей ВАНДЕНКО